

Сентябрь

1

Элена и Нико

Мое первое воспоминание связано с высотой.

Никогда прежде я не лазала в одиночку. Мой отец стоял внизу с веревкой в руках, готовый меня удерживать, стоит мне упасть. Я была спокойна и уверена, и, если бы этот подъем зависел только от моего желания, я бы обязательно дошла до конца. Но не вышло.

В день моего первого самостоятельного подъема по стене случилось и мое первое падение.

Ничего страшного не произошло. Все свершилось само собой. Мои руки соскользнули, и я повисла. Прежде чем почувствовать рывок и зависнуть напротив стены, я опустилась всего на пару сантиметров. Посмотрела вниз на отца, он мне улыбался. Сказал: «Ноги на стену, и поехали заново». Я послушалась. Спустилась. Начала сначала.

Случившееся тогда не было чем-то особенным, но все же я очень хорошо помню тот момент, потому что именно тогда впервые в жизни поняла, что когда-нибудь умру.

Я много лазала; прошло много лет. Я падала, поднималась, взбиралась без веревки и ломала себе кости. Через все это нужно было пройти.

Но в тот поздний вечер силы, нужные для того, чтобы двигаться дальше, у меня закончились.

Я тяжело вздохнула, тихо выругалась и, прежде чем перехватиться и спуститься вниз, уперлась ногами в стену. Снизу мне улыбалась София. По ее лицу было видно, что она собирается съязвить.

— Ух ты, — присвистнула она. — Тебе прямо везет.

— Заткнись, — пробурчала я и приземлилась рядом с ней.

София вместе со мной не лазала. У нее был абонемент, потому что как-то раз я притащила ее на скалодром. Пару

лет назад я так настойчиво уговаривала ее попробовать, что в конце концов она сдалась, но в итоге занималась в тренажерном зале, а меня оставила в зоне для скалолазания одну. Когда София лазала, то выбирала трассы белого цвета, иногда синие, это были самые легкие маршруты. Она редко пыталась лазать по зеленым и еще ни разу не попыталась счастья на красных, не говоря уже ни о фиолетовых, ни о черных трассах, с которыми даже я не всегда справлялась.

После тренировки в зале София заходила сюда и ждала меня, чтобы вместе пойти домой.

Я подняла руку перед собой, посмотрела на свои неподвижные прямые пальцы и сжала их в кулак.

— Эй, все в порядке?

— Я сегодня какая-то неуклюжая. Не могу сконцентрироваться, — ответила я и помотала головой в попытке избавиться от тяжести. — Неважно. Как твоя тренировка?

— Я тоже не смогла потренироваться на полную, — ответила она и вздохнула. — Ну, Элена, спроси меня почему. Спроси, почему я так устала.

Я вскинула брови от удивления, но знала, что не смогу устоять.

— От чего же ты так устала, София?

— Сегодня, до того, как сюда прийти, я играла в теннис.

— В теннис? Серьезно? У тебя ведь даже ракетки нет.

— Ева мне одолжила. — Она улыбнулась, и на щеках у нее появились ямочки.

Когда София так улыбалась, то сразу молодела на несколько лет и превращалась в очаровательную девочку, которая не выглядела на свои двадцать: у нее блестели глаза, уголки губ немного дрожали.

— Ладно. Дальше можешь не продолжать.

— Мы играли в теннис. Ясно? Ева играла в теннис. — Я засмеялась. — На ней была юбка. Теннисная юбка.

— Обычно люди в такой одежде и играют.

София отцепилась от мата и откинулась назад. Ее тело коснулось пола, и от удара в воздух поднялось облачко белой пыли.

Казалось, она была окутана сахарной пудрой. Двадцатилетняя девушка в потрепанной толстовке и розовых леггинсах, окутанная сладким облачком.

Она чуть-чуть привстала, опершись на локти.

— Ты ей уже сказала? — поинтересовалась я.

Надо было бы встать, но нам так нравилось лежать там, напротив пустой стены с трассами для продвинутых, по которым я часто без проблем лазала. В тот день, однако, у меня возникли трудности с зеленой трассой.

— Я уже много чего ей сказала. Вообще-то за все то время, что мы знакомы, я, наверное, наговорила ей миллион всего.

— Миллион?

— Так, первое, что приходило в голову.

— Первое, что приходило в голову, — повторила я.

— Да.

Мы замолчали.

— София, — не унималась я. — Ева знает, что тебе нравится ее теннисная юбка?

— Нет, — ответила она. — Конечно, нет. Я даже не знаю, интересуется ли ее мое... внимание, — добавила она.

— Ну да.

— Можешь присоединиться к нам завтра. Мы договорились встретиться выпить чего-нибудь «У Райли». Может, ты и сама ей скажешь... — Казалось, она вот-вот рассмеется.

— Но я-то эту юбку не видела.

София меня стукнула. И это было не в шутку. Я бы даже могла подумать, что это настоящий удар, но тут мы начали хохотать, потому что обе очень устали и потому что в душе нам обоим хотелось, чтобы София решилась и сказала что-то Еве.

Кое-кто прошел мимо нас, и мы замолчали.

В руках, испачканных магниезией, он нес бутылку воды. На нем была небрежно накинутая куртка, которая немного свешивалась с одного плеча.

Около полугода назад он появился на скалодроме, и я стала часто его встречать. Было очевидно, что,

прежде чем прийти сюда, он уже занимался скалолазанием. Я это знала, потому что видела, с какой оскорбительной быстротой он лазает по трассам средней сложности, и видела, как он взбирается по трассам для продвинутых.

Он был высокий и сильный — немного шире и крупнее, чем ожидаешь от скалолаза, — стройный, жилистый...

Одной рукой он провел по своим темным волосам, а другую, в которой была бутылка, поднял в приветствии и улыбнулся.

Я кивнула, здороваясь.

Мы еще ни разу не говорили друг с другом, но пару недель назад обратили внимание на то, что часто здесь пересекаемся, и по привычке стали замечать друг друга.

— Я могу вас познакомить, — предложила между делом София. — Присоединяйся завтра к нам с Евой. Уверена, он тоже там будет.

— Ты с ним знакома не больше моего, — возразила я. — Ничего про него не знаешь.

— Знаю, что он любит лазать, не курит, много читает, и он друг Евы, а значит, не может быть плохим человеком. Я знаю достаточно, чтобы подойти к нему, поприветствовать и сказать тебе, как его зовут.

— Я знаю, как его зовут, — без тени смущения ответила я. — Нико.

— Конечно знаешь. Потому что это я тебе сказала.

Прежде чем встать, София драматично вздохнула. А потом протянула мне руку:

— Подумай насчет завтра, ладно? Будет здорово. Тебе же нравится «У Райли», может, даже познакомишься с кем-нибудь интересным. Тебе пойдет на пользу выйти в люди, сменить обстановку.

— Моя обстановка — это в буквальном смысле ты, София. Я больше ни с кем не общаюсь. Хочешь, чтобы мы перестали видеться?

— Если продолжишь в том же духе, я над этим подумаю. Я не настаиваю, — добавила она мягко и взяла меня

за руку, пока мы шли к раздевалкам. — Но попытайся чуток расслабиться.

Я положила свою ладонь на ее и слегка сжала.

Кивнула и улыбнулась, хотя совершенно не понимала, как это — немного расслабиться.

Когда на следующий день зазвонил телефон, я поднялась с кровати с плохим предчувствием. Потянулась, чтобы взять с полки над кроватью мобильный, и на автомате чуть было не сбросила звонок.

— Да?

Я даже не успела посмотреть, кто звонил.

— Элена... — ответил на том конце слегка надтреснутый голос.

Я прокашлялась, пока мои глаза привыкали к уличному свету, проникавшему через окно.

— София?

— Произошел... Элена, только не злись.

Я начала нервничать.

— Что случилось?

— Элена, ты сильно разозлишься. — Она расплакалась.

— София, что произошло?

— Произошел... — захныкала она. — Это случилось не... Это случилось не по нашей вине. Не понимаю, откуда она появилась. Я не знаю как... Произошел несчастный случай.

Я тут же проснулась.

— С тобой все в порядке?

Я пыталась говорить спокойно. На самом же деле мне хотелось кричать.

София что-то пробормотала. Она не могла выдать ни слова. Была очень пьяна.

— Просто скажи, где ты, хорошо? И я приеду. Скажи, где это случилось.

— Рядом у входа в «У Райли». — Она зашмыгала носом и снова зарыдала.

— Жди меня, — попросила я и положила трубку.

Я была так расстроена, что, едва успев вскочить на ноги, споткнулась; очень нелепо споткнулась, совершенно по-дурачки, не смогла устоять на ногах и в итоге шлепнулась на пол.

Когда я поняла, что произошло, в груди у меня защемило, но на раздумья не было времени. Я выругалась, поднялась и надела вчерашнюю одежду, висевшую на стуле рядом с письменным столом.

Так быстро я еще ни разу не собиралась. Даже в зеркало не посмотрелась. Накинула куртку на плечи, положила телефон в карман и нашла в прихожей ключи от машины Софии.

Значит, она не за рулем.

Наплевать. Мне было совершенно наплевать. Я спустилась по лестнице на улицу и дважды оказывалась не там, где нужно, пока наконец не вспомнила, где мы в последний раз оставили машину. Я подумала, что если этот кусок металлолома откажется заводиться, то я расплачусь прямо на месте.

На мое счастье, машина решила завестись с первого раза, и я обхватила руль слегка дрожащими руками. Закрыла на секунду глаза и глубоко вздохнула. Попыталась успокоиться, но безрезультатно. Едва не плача, я выехала с полным ощущением того, что все еще сплю и мне просто снится страшный сон.

Напротив «У Райли», как мне сказала София, их не было. Я прошла мимо, оставив позади доносившиеся из бара песни и вышибалу со скрещенными на груди руками, который кивнул мне в знак приветствия. Похоже, София была не в состоянии сложить два и два и объяснить, что они находились чуть подальше, вниз по улице, где заканчивалась пешеходная зона.

Прежде чем позвонить ей и узнать, где они, я решила испытать судьбу и всего минуту спустя услышала голоса. Кто-то кричал.

Я прибавила шагу, спрашивая себя, что мы будем делать, если София попала в аварию в нетрезвом состоянии. За рулем точно была она, ведь Ева не водила. Что они

натворили? На какой машине ехали, если машина Софии была у меня, а у Евы машины и вовсе не было?

По мере того как я приближалась, голоса становились все громче посреди пустынной улицы, и я смогла различить голос Евы, которая что-то говорила сквозь слезы.

Что случилось с теми, кто садился за руль пьяным? У меня закружилась голова.

Завернув за угол, на улицу, которая шла перпендикулярно той, где находились бары, я увидела их. Они не находились ни на одной из полос движения; они были на островке в центре, на площадке, в зеленой точке посреди дороги, окруженной серыми зданиями.

Я прибавила шагу.

Разглядела сидевшую на тротуаре Еву. Казалось, будто она упала и так и осталась лежать, ноги у нее были согнуты под странным углом, а плечи дергались, поднимаясь и опускаясь при каждом всхлипе. София сидела на скамейке рядом с ней. А парень со скалодрома, друг Евы, кричал на них обеих. Он повышал голос, а когда замечал это, то пытался говорить тише, но безуспешно.

Нико.

Увидев меня, София всхлипнула и выкрикнула мое имя.

Я огляделась и перешла дорогу до центра площадки с парой засохших кустов, фонтаном вдалеке, скамейками и широкой дорожкой для прогулок. По периметру площадки машин не было.

Нико продолжал кричать. Казалось, Ева сдалась, ни на чем конкретно не фокусировала взгляд и просто плакала. А вот София смотрела. Она отвела взгляд от меня и сосредоточилась на Нико, который теперь кричал на нее и только на нее.

Какого черта.

— Эй! — воскликнула я возмущенно, пытаюсь привлечь его внимание. — Ты что творишь?

Нико повернулся в мою сторону. По тому, как он на меня посмотрел, казалось, что до этого самого момента он был не в себе. Ему потребовалась пара секунд, чтобы понять, кто я и что здесь делаю. Потом он вновь закричал:

— Эти две сумасшедшие совсем слетели с катушек!
Твоя подруга...

— Моя подруга что? — спросила я по инерции.

Он немного выпрямился, услышав мой тон.

София плакала, Ева плакала, но они, похоже, были целыми и невредимыми. Нико не стал бы на них кричать, будь они не в порядке, не так ли?

— Она не знает, когда нужно остановиться, — ответил он. — Эта идиотка...

— Это не София придумала! — вмешалась Ева.

Пошатываясь, она попыталась встать, но ей это не удалось.

— А ты, Ева, помолчи! — крикнул он.

— Эй! — запротестовала София.

Когда мы повернулись, чтобы взглянуть на нее, она снова заревела.

Господи боже...

Вдруг я увидела себя со стороны на этой площадке, с двумя плачущими навзрыд пьяными девушками и с одним очень сердитым парнем, и подумала, что это похоже на какой-то дурацкий спектакль, который завтра станет предметом обсуждения всех соседей в округе.

Нико продолжал спорить и кричать, а я уже и не пыталась понять, что именно он говорит. Но мне пришлось его перебить, потому что он орал на двух девушек, которые находились на грани срыва.

Я подошла и встала между ним и Евой.

— Оставь их в покое! — хлопнула я его по плечу.

Совсем легонечко, но это сработало, потому что Нико вдруг притих и посмотрел на меня.

— Зачем ты на них кричишь? Разве не видишь, что они напуганы? — спросила я. — Произошел несчастный случай. Такая реакция абсолютно нормальна.

Нико в удивлении приподнял брови. Они у него были красивые: длинные, изящные и темные, такого же цвета, как и волосы. Он еще сильнее выпрямился, упер руки в бока, всем своим видом излучая враждебность. Но

я лишь продолжала разглядывать его красивые брови. Все остальное было выше моих сил.

— А почему произошел этот несчастный случай? — поинтересовался Нико. — Как этим двум дурочкам могло прийти в голову, что залезть в тележку из супермаркета и полететь на ней вниз по улице — это хорошая идея?

— Что?

Я ничего не понимала.

— Они стащили тележку.

— Они что?..

— Стащили тележку. Откуда, мне не сказали. Они не знают, видел ли их кто-то и поцарапали ли они какую-нибудь машину, пока летели.

Я посмотрела на Софию.

Она повернулась на скамейке и указала на что-то, что находилось за ней, между криво подстриженными кустами.

Нет. Они не были криво подстрижены.

У меня начала кружиться голова.

— Мне все равно, чья это была идея. Мне абсолютно все равно, кто конкретно решил украсть тележку и повести себя как две пьяные идиотки. Еще и в такой поздний час...

Я больше не слушала Нико.

Я сделала несколько шагов вперед по направлению к изуродованным кустам. За ними на земле лежала упавшая статуя. Кажется, особо важной для города она не была. Какую значимую статую поставили бы на таком месте? Я даже не могла понять, кого она изображала. Это был какой-то мужчина с бородой и книгой под мышкой, совсем небольшая скульптура. Слава богу, она была маленькой.

Рядом со статуей, в кустах, лежала тележка.

Я нервно всхлинула. Мне захотелось прикончить Софию.

Я развернулась.

Подошла к скамье и взяла ее за руку.

— Вы куда это? — спросил Нико, который прервал свой нервный монолог, когда я направилась с Софией к пешеходному переходу.

— Домой. Спать, — отозвалась я.

— А что будем делать с тележкой? И со статуей?

Ева, стоявшая рядом с ним, пыталась подавить икоту.

— А что ты предлагаешь? — ответила я. — Завтра узнаем, заметил ли их кто-то. Нет никакого смысла оставаться здесь и кричать.

— Но если их кто-то опознает...

— Будем беспокоиться, если это случится. — Я пожала плечами настолько спокойно, насколько могла. — Если хочется остаться и рассказать полиции о том, что тут произошло, без проблем. А мы с Софией уходим.

Когда я двинулась вперед, София на секунду обернулась. Мне показалось, что она прощается с Евой. Я не стала поворачиваться и проверять.

Я шла так быстро, что София едва за мной поспевала. Она спотыкалась и пару раз, когда поворачивала не туда, врезалась в меня. Наконец мы пришли к машине и сели в нее.

Мы молчали.

Тележка эта, чтоб ее.

Я сжала руль.

Завела машину.

— Элена... — прошептала София.

— Нет, — оборвала я ее и закрыла на секунду глаза, чтобы не разорваться, как Нико. Она этого заслуживала. — Нет.

Она всхлипнула, но все же умолкла. Мы выехали на ночные улицы Мадрида в сопровождении звука мотора и радио, которое включилось само по себе.

Такое иногда случалось. Радио включалось, и мы не могли его выключить. Я даже не стала пытаться, просто хотела переключить станцию, но тут зазвучала песня Эйвы Макс¹, под которую мы как-то танцевали в баре «У Райли».

¹ Американская поп-исполнительница. — *Здесь и далее примеч. пер.*